

Эд Гуард

РЕЙВЕН ГЭСТ
ПУТЬ ГЕРОЯ

Эд Гуард Рейвен Гэст. Книга первая. Путь героя

<https://litres.ru/74009089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рейвен Гэст — простой кузнец Оплота, мирного края, где люди строят дома и куют железо. У него есть жена, сын и мечта стать героем. Но в одну ночь его деревню атакуют скелеты, призванные таинственным магом Кольтером Блэквустом. Рейвен теряет всё и клянётся отомстить.

Старейшины вручают ему древнюю Книгу героя, которая обещает привести к убийце. Следуя её подсказкам, Рейвен осваивает магию, сражается с големами и бандитами, драконами и орками. Но это лишь начало приключения...

Содержание

Глава вторая. Волк и лесник	9
Глава третья. Грибы, долги и каменный гость	13
Глава четвёртая. Трава, маг и яма	18
Глава пятая. Тёмная сторона шахты	23
Глава шестая. В заточении	27
Глава седьмая. Железо, боль и тот, кто поделился хлебом	31
Глава восьмая. Бегство и предательство	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эд Гуард

Рейвен Гэст. Книга первая. Путь героя

Глава первая. Пепел и обет

Меня зовут Рейвен Гэст. Если ты читаешь эти строки, зна- чит, я либо мёртв, либо проклят, либо сижу где-то в забытом месте и жду, когда срастутся кости. Но скорее первое. Всё, что я построил, разлетелось прахом, а люди, которых я лю- бил, — их кости давно остыли. И виноват в этом я. Отчасти. Но по порядку.

Я родился в Оплоте, в деревне на южных холмах, где ве- тер пах свежесвеженным хлебом и дымом из кузниц. Мой отец был человеком до мозга костей, кузнецом, каких поискать. А мать... мать, поговаривали, была из тех, кто чувству- ет незримые нити мира. Не колдует, нет, просто знает, где пройдёт гроза, и может заговорить зубную боль. Так что во мне течёт четверть чужой крови — крови мага. Этого хва- тает, чтобы использовать необычные безделушки — жезлы, амулеты, старые книги. Хватает, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время.

Или в самом неподходящем.

У меня была жена. Маргарет. И сын, Холл, четырёх лет от

роду, с ямочками на щеках и вечным любопытством к жукам и мотылькам. Я строил им дом — не хибару, а настоящий, с резными ставнями и крыльцом, где можно сидеть вечерами и смотреть на закат. Я копал фундамент за деревней, где земля твёрдая, почти каменная. Там я нашёл первый железный слиток, который позже превратился в наконечник мотыги.

В те времена Оплот жил своей привычной жизнью. Мы пахали землю, строили дома, торговали с соседями, и самая большая опасность исходила разве что от голодного волка или ссоры в таверне с орком. А потом начали появляться скелеты.

Сначала это были слухи. Пьяный возчик божился, что видел, как из-под корней старого дуба вылезла костяная рука. Потом дозорные заметили одинокую фигуру на холме — и когда подошли, никого не нашли. Старейшины отмахивались: «Мертвецы не ходят, это разбойники наряжаются». Я тоже не придавал значения. Мало ли что почудится путнику в сумерках?

Но слухи становились всё настойчивее. Уже не один, а трое крестьян пропали без вести. Уже не рука, а целый скелет, говорят, бродил у старого кладбища. Я тогда посмеялся: «Откопайте его и используйте вместо пугала». Как же глупо это звучит сейчас.

Потом скелетов стали замечать у околлиц. Они не нападали, просто стояли, словно вглядываясь в огни деревни. Стражники дежурили по ночам, но те исчезали с рассветом.

Мы сжимали копья и молились, чтобы это прошло. Не прошло.

И вот однажды ночью — я запомнил её навсегда — они пришли не поодиночке, а стеной. Десятки, сотни костяных тварей, с пустыми глазницами, в которых горел холодный огонь. Земля под ними хрустела, как перемолотые кости. Их было так много, что тьма стала плотной, как дёготь.

Я выбежал с топором. Я рубил, как дровосек, но они валялись и вставали снова. А потом я увидел Маргарет. Она лежала на пороге, прикрывая Холла своим телом. На её спине рдели три глубокие раны, словно от когтей. Холл плакал и тянул ко мне ручки.

Я не успел.

Последнее, что я запомнил — как один из скелетов, выше меня в два раза, отшвырнул меня к сараю. Я ударился головой о каменный приступок и потерял сознание.

Очнулся на рассвете. Деревня дымилась. Люди собирали убитых. Мою жену и сына положили рядом под простынёй. Старейшина Виллард сказал, что такие скелеты никогда не заходили так глубоко в Оплот. «Кого-то ищут», — прошептал он, глядя на меня.

Совет старейшин — те, кто помнил старые предания, — вызвал меня к себе. В подземной зале, где пахло сыростью и древними свитками, они вручили мне книгу. Кожаный переплёт, обожжённый по краям.

— Это Книга Следопыта, — сказал старейшина Гревин.

— Когда-то она принадлежала охотнику на нечисть. Она приведёт тебя к тому, кто насылает скелетов.

— И кто же это? — спросил я, сжимая топор.

Старейшины переглянулись. Виллард ответил:

— Его зовут Кольтер Блэквуст. Когда-то он был простым подававшим надежды магом. Жил в северной башне, изучал древние ритуалы. Говорят, он хотел получить великую силу, чтобы остановить войны в Оплоте. Но что-то пошло не так. Теперь он прячется в другом мире, а его воля порождает этих костяных тварей. Каждую ночь их становится всё больше. Наши стены долго не продержатся.

— Почему вы не остановили его раньше? — спросил я.

— Потому что мы не знали, как попасть в тот мир, — ответил Гревин. — Но книга... она знает. Следуй её подсказкам, Рейвен. Она приведёт тебя к Кольтеру. Убей его — и скелеты исчезнут. Ты станешь мстью за всех погибших.

Я взял книгу. На первой странице было выведено блёклыми чернилами:

«Не спеши копать колодец, где не видно дна».

Я тогда не понял, что это не про строительство. Это про то, как ошибка одного человека может открыть дверь для целого мира бед. Но как я мог отказаться? У меня не осталось ничего, кроме кирки, топора и жажды убивать.

Теперь вы знаете, кто я и почему взялся за этот путь. Если вы ждёте рассказов о подвигах и битвах — листайте дальше. А если вам интересно, как книга может быть и другом, и ло-

вушкой, и как лучшие намерения превращаются в пепелище — оставайтесь со мной. Я всё запишу.

Потому что кто-то должен предупредить тех, кто придёт после.

Глава вторая. Волк и лесник

Книга молчала. Первые страницы были пусты, только старая поговорка про колодец, которую я уже выучил наизусть. Я понял: она не скажет ни слова, пока я не сделаю первый шаг сам. Хорошо. Значит, начну с малого. Если я собираюсь идти к магу, который насылает скелетов, мне понадобится броня. Не латы, нет — у меня ни денег, ни кузни. А вот кожу можно выделывать самому. Я слышал, что в лесу к югу от Оплота водятся волки. Шкура волка — это уже защита.

Я взял топор, нож, огниво и отправился. Лес встретил меня сыростью и запахом прелых листьев. Солнце пробивалось сквозь кроны редкими монетами, но я шёл быстро, стараясь не шуметь. Волков я не боялся — у меня топор, а я с ним на ты с тех пор, как отец научил меня рубить дрова в пять лет. Но они сами не показывались. Только тени мелькали меж стволов.

А потом я наступил на ветку, и треск разнёсся как выстрел. Из-за валежника выскочил волк. Огромный, серый, с жёлтыми глазами. Не голодный — злой. Наверное, старый вожак, которого выгнали из стаи. Он не завыл, не зарычал, а просто бросился. Я едва увернулся, выставил топор, но он отскочил в сторону и зашёл сзади. Я побежал.

Бежать по лесу от волка — глупая затея. Ветки хлестали по лицу, корни норовили подвернуть ногу. А он дышал в

спину. Я увидел избушку на краю поляны. Не раздумывая, влетел в дверь, захлопнул и заложил колом, что лежал у входа. Волк повозился снаружи, поскрёбся и ушёл.

Я перевёл дух. Внутри было темно, пахло сушёными травами и дымом. Небольшой стол, лавка, печь, на стенах — шкуры и охотничьи рожки. Чьё-то жильё.

Хозяин вернулся под вечер. Мужик лет пятидесяти, коренастый, с седой щетиной и живыми глазами. Звали его Корм. Он посмотрел на меня, на топор, усмехнулся:

— Волк запер? Бывает. Садись, путник, я тебе ни в чем не откажу. Ужин готов.

Корм оказался лесником, добывал шкуры и продавал их в городе. Он был разговорчивым, даже слишком. Рассказывал, какие твари водятся в чаще, как ставить силки, как различать следы. Про скелетов он не говорил ни слова, но я заметил, что у входа в дом нарисован странный символ — необычный треугольник, образованный тремя царапинами. Не знаю, что он значит, но спросить не успел. Наступила ночь, и лесник предложил переночевать.

Я согласился. Устал, ныли ноги, да и кусок хлеба с салом, который он подал, был как нельзя кстати. Залез на лежанку в углу, прикрыл глаза и провалился.

Мне приснился кошмар. Будто я стою на краю бездны, а из неё тянутся костяные руки и хватают меня за ноги. Я хотел крикнуть, но голоса не было. Я пытался бежать, но земля

под ногами становилась липкой, как смола. А потом из тьмы выглянуло лицо. Не Кольтера, нет — я его никогда не видел. Это было лицо Корма. Он улыбался, и в зубах у него был мой нож.

Я проснулся в холодном поту. Луна светила в окно. Тишина. Хотел повернуться, но не смог — ноги были туго стянуты верёвкой выше щиколоток. Лесник возился у стола, собирая мои вещи: огниво, ножны (пустые! — он уже вытащил нож), мешочек с монетами, даже топор, который стоял у лежанки. Он склонился, перебирая мою поклажу, тихо напевая что-то себе под нос.

Я не шевелился. Дышал медленно, притворяясь, что сплю. Ноги связаны, руки свободны. Нож у него. Топор у него. Чем я могу ударить? На лежанке ничего, кроме подстилки. Но под подстилкой что-то твёрдое — я почувствовал, когда ложился. Небольшой обрезок доски. Если дотянуться, пока он отвернулся...

Корм закончил собирать вещи, перекинул мешок через плечо и направился к моей лежанке. В правой руке он сжимал тот самый нож. Мой нож. Он больше не улыбался.

— Ты не здешний, парень, — прошептал он. — И никто не хватится. А топор твой — резной, красивый продам за дорого.

Он замахнулся.

Я рванул руку под подстилку, нашарил тупой обрезок доски и, пока лезвие опускалось, выбросил его вперёд. Угодил

в запястье. Костяной хруст — и нож вылетел, звякнув о стену. Корм взвыл, схватился за руку, попятился. Я не дал ему опомниться. Сбросил верёвку с ног (связано было наспех — второй узел я уже распутал, хорошо, что в детстве отец учил меня узлам), схватил с полу топор и, не поднимаясь, с разворота ударил его обухом по затылку. Корм рухнул как подкошенный.

Я постоял над ним. Сердце колотилось где-то в горле. Проверил — жив. Оглушён. Я вытащил его за шиворот, отворил дверь и выкинул наружу. Пусть валяется. Не буду марать руки. Нож и топор забрал. Мешок с вещами тоже. И запер дверь на кол.

До рассвета я не сомкнул глаз. Сидел у стены, сжимая топор, и слушал, как за дверью начинают скулить, а потом рычать. Не человек — волки. Те самые, что рыскали по лесу. Корм, видно, очнулся и попытался уйти, но они чуют кровь.

На утро я выглянул. На поляне, в метрах в пятидесяти от дома, лежало растерзанное тело. Серые тени уже скрылись в чаще. Я не пошёл хоронить. Не заслужил. Только забрал из его сундука несколько монет и выделанных шкур — в счёт того, что хотел сделать со мной.

Кожаную броню я сшил следующим днем, уже в другом месте. И с тех пор не доверяю лесникам. Даже дружелюбным.

Глава третья. Грибы, долги и каменный гость

Через несколько дней на страницах моей книги проявилась новая запись, корявая, словно выцарапанная гвоздём:

«Прежде чем идти на бой, обзаведись железом. Меч, лук, латы — не из кожи, а из доброй стали. Город у западных ворот ждёт работников. Заработаешь — купишь на рынке. Ищи кирку покрепче, стрелы полегче, щит пошире.»

Я усмехнулся. Книга говорила о вещах, которые и дурак поймёт. Но в одном она была права: с одним топором и кожаной курткой против скелетов не выйдешь. Нужно оружие, и хорошее. А деньги не растут на деревьях.

Город у западных ворот назывался Роторбург. Не столица, конечно, но жизнь там кипела. Кузницы дышали жаром, телеги скрипели на мостовой, зазывалы хрипели: «Свежая рыба! Уголь! Амулеты от сглаза!» Я прошёлся по рядам, приценился. Железная кирка — три серебряных монеты. Лук из тиса с тетивой из жил — пять. Стрелы, десяток — один серебряный. Щит, простой деревянный, обитый железом — четыре. Итого — тринадцать серебряных. А у меня в кармане было всего четыре. Пять, если считать медяки.

Значит, работать.

Я пошёл на рыночную площадь, где толпились горожане

с дощечками-заказами. Какое-то время я разбирал их: принести дров, починить забор, отнести письмо в соседнюю деревню. Работа не пыльная, но платили медью. К вечеру у меня стало шесть с половиной серебряных — всё ещё мало.

Потом я увидел старика у фонтана. Он сидел на низкой скамейке, перебирал какие-то корни и кряхтел. Увидев меня, поманил пальцем.

— Ты, парень, ходок? Мне нужны грибы. Волнушки, что растут у северного склона, у старой мельницы. Принесёшь корзинку — получишь серебряную монету.

— Почём такая щедрость? — спросил я.

— Грибы те, лечебные, — прошамкал старик. — А у меня ноги не ходят. Сама не доставлю.

Я согласился. До мельницы час туда, час обратно. Волнушек там оказалось полно — видимо, никто не собирал. Я наполнил корзину, вернулся, получил монету. Семь с половиной.

Следующий заказ привёл меня к тощей женщине в замызганном платье. Она сказала:

— У меня должник живёт на южной улице, третий дом от каменной стены. Он задолжал мне пять серебряных за поставку кожи, но уже полгода кормит завтраками. Выбьешь долг — я отдам тебе половину. Два с половиной серебряных. Согласен?

Я кивнул. Два с лишним — это почти кирка. Пошёл.

Дом на южной улице выглядел запущенным: ставни ко-

сье, крыша провалилась, но у двери стоял внушительный каменный порог. Я уже видел такую у лесника Корма, но тогда не придавал значения. Сейчас тоже не придавал. Постучал.

Дверь отворил мужик лет сорока, с сальными волосами и наглой ухмылкой. Он жевал какую-то траву и сплюнул прямо на мои сапоги.

— Чего надо?

— Ты должен госпоже Элине пять серебряных. Я пришёл за долгом.

Он засмеялся. Громко, противно, захлёбываясь слюной.

— Ах, она подослала молодца! Смешно. Ну, слушай, молодец: денег нет. А если есть — я их не отдам. Иди скажи своей госпоже, что пусть целует...

Он не договорил. Я шагнул вперёд, положил руку на топор. Мужик не испугался. Наоборот, отступил на шаг и щёлкнул пальцами.

Я услышал гул. Земля под ногами задрожала. А потом статуя у двери — до этого она казалась мне обычным каменным изваянием — ожила. Она шагнула вперёд, и каждый её шаг отдавался в груди, как удар молота. Голем. Я впервые видел такое. Чудовище ростом в два человеческих роста, камень, оживший по приказу этого проходимца.

Я выхватил топор, но что топор против камня? Первый же удар раскрошил лезвие. Голем небрежно отбросил меня в сторону, я ударился о косяк. Затем он наступил мне на левую ногу. Я услышал хруст — не кости ли? — и в глазах по-

темнело. Боль была такой, что я чуть не закричал. Удержался. Сжал зубы.

Должник подошёл, вытащил мой кошелёк из-за пояса, взвесил на ладони.

— Семь серебряных и мелочь. Неплохо за труды, парень. Скажешь Элине — пусть не присылает больше никого. А ты... да ты и так не скоро встанешь.

Он кивнул голему, и тот подхватил меня, как мешок с мукой, выкинул на улицу. Я покатился по булыжникам, подывая от боли. Голем вернулся на место, замер, снова статуя. Должник захлопнул дверь.

Я лежал в пыли, сжимая обломок топора, и понимал, что левая нога не слушается. Сломана. Одной мотыгой её не вылечить. А денег нет, ни одного медяка. И небо темнеет — скоро ночь. А ночью выходят скелеты.

Пальцы нащупали книгу. Она была тёплой, как живая. Я открыл её наугад — и увидел новые строки. Они светились слабым зелёным светом:

«Под городом, глубоко в катакомбах, есть ход, о котором забыли даже старейшины. Там живёт маг. Он лечит то, что не могут лекари. Найди вход у старой водокачки за западными воротами. Спустись. Но будь осторожен — под землёй таится не только спасение.»

Я захлопнул книгу. Попытался встать. Нога не держала. Пришлось ползти. Хорошо, что водокачка была недалеко — я помнил её по пути на рынок. Час ползком по грязи и кам-

ням, пока не добрался до ржавой будки у городского вала.

Люк был приоткрыт. Из него тянуло сыростью и ещё чем-то — чем-то чужим, древним. Я перевалился через край и начал спускаться во тьму, нащупывая ступени.

Глава четвёртая. Трава, маг и яма

Я спустился. Ступени были скользкими, кое-где сломаны, и я несколько раз чуть не сорвался, хватаясь за стены. Левая нога волочилась и болела так, что искры из глаз летели. Внизу начинались заросли. Какая-то трава — высокая, по колено, жёсткая, с мелкими колючками. Она цеплялась за штаны, царапала руки, мешала идти. Я ругался сквозь зубы, но пролезал. Терпимо.

А потом трава ожила. Тонкие стебли обвили мою щиколотку, подхватили под колено, и я почувствовал, как меня несёт вперёд. Я не сопротивлялся — сил не было. Трава оказалась мягкой и тёплой, как чьи-то руки. Она уложила меня на земляной пол и аккуратно вытянула сломанную ногу.

В конце коридора показалась дверь. Дубовая, окованная медью. Я постучал. Тишина. Постучал ещё раз.

— Входи, раз уж трава тебя пропустила, — раздался голос из-за двери. Глухой, спокойный.

Я толкнул створку. За ней оказалась маленькая комната, вся в свитках, свечах и банках с непонятными жидкостями. В кресле у камина сидел старик. Бородатый, в синем халате, с живыми, насмешливыми глазами.

— Маг? — спросил я.

— Зови меня Клеменс, — он усмехнулся. — А ты, вижу, грамотей. Ногу сломал, а идёшь как на войну. Садись.

Он взглянул на мою ногу, потом на дверь, потом на меня.

— Странно. Моя трава — людоцвет — пускает не всех.

Чует зло или нечестие. Тебя пустила. Значит, ты не чёрный человек. И не демон. Кто такой и зачем пришёл?

Я рассказал. Про скелетов, про Кольтера, про книгу, про должника и голема. Клеменс слушал, кивал, иногда хмыкал. А под конец засмеялся.

— Ха! Ты, парень, с големом сражаться пошёл, даже не зная, из чего он сделан. И долг пытался выбить у человека, который каменную статую оживляет. Наивность — это не порок, это диагноз. Кругозор у тебя узковат, мил человек. Магических тварей в мире побольше, чем скелетов.

— Я понял, — буркнул я. — Нога болит. Поможете?

— Помогу, — он подошёл, положил руку на лодыжку. Стало тепло, потом горячо, потом больно — так, что я заскрежетал зубами. Но через минуту боль утихла, и я почувствовал, что кость встала на место.

— Встань.

Я встал. Нога работала.

— Спасибо, — сказал я.

— Не благодари, — Клеменс махнул рукой. — А теперь слушай. Големы — тупые, но сильные. Их слабость: медленность. Они не бегают. А ещё они тяжёлые — проваливаются в рыхлый грунт. И почти слепые — видят только движущееся, да и то плохо. Их сила — в камне. Лезвием его не взять. Только если свалить в яму и завалить чем-то тяжелым. Или

разобрать по частям, но на это нужна кузница.

Он протянул мне кусок пергамента. На нём была нарисована схема: человек и голем, а между ними — яма, накрытая ветками.

— Сделай так. И не ходи больше к должнику один. Он, между прочим, не простой человек — знается с мелкими демонами. Голем для него как сторожевой пёс.

Я поблагодарил ещё раз и вышел. Людоцвет снова понёс меня к выходу, но теперь я не боялся.

На поверхности уже вечерело. Я раскрыл книгу — и на новой странице увидел подробную статью про големов. Крупными буквами:

Сильные стороны: твёрдость, живучесть, выносливость, сила.

Слабые стороны: медленность, размер, тяжесть, плохое зрение.

Всё, как говорил маг.

Я пошёл к знакомым копателям. Двое братьев, Гарт и Том, работали в карьере за городом. Я попросил их помощи. За медяк (последний, что остался в потайном кармане) они вырыли яму прямо перед домом должника. Глубокую, в два человеческих роста. Накрыли её лёгкими жердями и тонким слоем дерна, а сверху насыпали камешков с улицы — чтобы похоже было на обычную дорогу.

Вечерело. Копатели ушли, боясь скелетов. Остался я

Один.

Я подошёл к двери и постучал.

Должник высунулся, увидел меня и заорал:

— Ты ещё жив?! Ну, голем покажет тебе...

Он щёлкнул пальцами. Статуя ожила, шагнула вперёд. Я развернулся и побежал.

Голем загремел следом. Медленно, но неумолимо. Я слышал, как его каменные ступни дробят булыжники. Я бежал прямо к яме. Перепрыгнул через неё — у меня получилось, нога была здорова. Голем не заметил ловушки. Он ступил на жерди, те проломились, и каменный гигант рухнул вниз с оглушительным грохотом. Я подбежал к краю, заглянул. Он лежал на спине, дрыгал ногами и не мог встать — яма была слишком узкой для его роста.

Должник выбежал из дома, побелел, увидел меня, попытался захлопнуть дверь. Я был быстрее. Влетел внутрь, схватил свой кошелёк (он лежал на столе), а заодно прихватил ещё два мешочка — с серебром и какими-то магическими безделушками.

— Не трожь! — заверещал он.

Я не тронул. Просто выставил его за дверь и сказал:

— Передай госпоже Элине, что долг вернётся. С процентами.

Утром я ушёл из города. В кармане звенело серебро. Го-

лем так и остался в яме — говорят, копатели потом засыпали его землёй, чтобы никто не споткнулся.

Книга открылась на новой странице: «Теперь ты знаешь, что слабость врага можно обратить в ловушку. Купи кирку. И щит. И лук. Скоро они понадобятся.»

Я усмехнулся и направился к рынку.

Глава пятая. Тёмная сторона шахты

Рынок встретил меня звоном монет и запахом жареного мяса. Я потратил почти всё серебро, которое отбил у должника. Зато теперь у меня была железная кирка, добротный лук с десятком стрел, щит, обитый сталью, и латы — не полные, конечно, но грудь и спину прикрывали. Я вышел с рынка, чувствуя себя чуть ли не рыцарем.

Но уже через час понял: этого мало.

Латы гремели на каждом шагу. Голова оставалась открытой — ветер свистел в ушах. Ноги ниже колен тоже были голые. А без кольчуги любой копейщик мог засадить мне в бок. Нужен шлем, нужны боевые штаны, нужна кольчуга. А на всё это нужно ещё железо, и побольше.

Я вспомнил о братьях Гарте и Томе, которые помогли мне вырыть яму для голема. Они работали в старой шахте к северу от города, добывали руду для кузнецов. Я отыскал их в трактире, угостил элем и попросился в шахту.

— Бесплатно? — удивился Гарт.

— Я сам покопаю. Мне руда нужна, — сказал я.

Том хлопнул меня по плечу и расхохотался:

— Ты как тот голем — прёшь напролом. Ладно, пошли.

Только не суйся в старые штреки, там обвалы.

Мы спустились. Шахта была тёмной, сырой, пахло влажной землёй и чем-то кислым. Братья указали мне залежь, где жила была неглубоко, и оставили одного. Я зажёл факел, взял кирку и начал бить.

Вжик. Чавк. Грохот. Я быстро поймал ритм. Кирка слушалась, руки помнили, как работать. Кусок руды упал к ногам, за ним другой, третий. Я набил мешок камней с железом почти до отказа — хватит на шлем и нагрудник, а то и на кольчугу.

Обрадовался. Слишком обрадовался.

Я шагнул дальше, увидел новую жилу — блестящую, с красноватым отливом. Решил добить ещё пару кусков. Сделал шаг, второй, третий. И земля под ногами провалилась.

Я не успел даже вскрикнуть. Сырой грунт, камни, корни — всё обрушилось вниз, и я полетел вместе с ними. Падение было коротким, но жёстким. Я приложился спиной о что-то твёрдое, выронил факел, и тот погас. Темнота.

Пришёл в себя через несколько минут. Голова гудела, но вроде цела. Мешок с рудой рядом, кирка под рукой. Я потянулся за огнивом, высек искру — и увидел своды. Они были высокими, неровными, но явно не природными. Кто-то вырубил этот зал. А дальше, в слабом свете, угадывались силуэты — домики, ямы, кострища.

Я попал в подземную деревню.

И тут до меня дошло: орки.

Я уже сталкивался с орками раньше. В приграничных тавернах они иногда заходили, пили какой-то жуткий самогон, дрались из-за стульев. Там я умел дать сдачи. Но это были поверхностные орки, почти люди. А здесь, под землёй, по слухам, жили другие — злобные, гордые, ненавидящие человеческий дух.

Я пригнулся, попытался спрятаться за валуном. Мешок с рудой оставил — он гремел. Сделал несколько шагов на цыпочках, но куда там. Подземные орки не слепы. Я услышал резкий свист, и откуда-то сверху на меня прыгнула тень. Я успел выставить кирку, но она выбила её ударом.

— Человек! — рявкнул кто-то на ломаном наречии. — Живой человек!

Их было трое. Здоровенных, с клыками, в грубых шкурах, с топорами наперевес. Я попытался объяснить, что я не враг, что просто провалился, что мне нужна руда. Они не слушали. Один схватил меня за шкуру, другой скрутил руки, третий надел на шею какую-то верёвку с узлами.

— К вождю! — прорычал первый.

Меня поволокли через всю деревню. Я видел костры, шкуры на кольях, черепа животных, а в углу — клетку. Большую, железную, с замком. Орки открыли дверцу, швырнули меня внутрь, захлопнули.

Книга отозвалась болью в груди. Я вытащил её, дрожащими пальцами открыл. На новой странице проявились слова, но не подсказка, а почти насмешка:

«Добро пожаловать в гости к железным зубам. Теперь ты знаешь, что шахта ведёт не только к руде. Сиди смиренно. Кто-то придёт за тобой. Или не придёт. Зависит от того, как ты себя поставишь.»

Я захлопнул книгу и посмотрел на орков. Они стояли у клетки, пялились на меня жёлтыми глазами и перебрасывались гортанными фразами.

Один из них плюнул на землю и сказал по-человечески:

— Вождь решит, что с тобой делать. Съедят или обменяют. Молись своим богам.

Я не стал молиться. Я стал думать.

Глава шестая. В заточении

Я сидел в клетке, привалившись спиной к холодным прутьям, и перебирал в голове варианты. Орков было слишком много, оружия у меня не осталось, а книга вместо подсказок отделялась загадками. Я уже начал подозревать, что она надо мной просто издевается.

А потом я услышёл гул.

Сначала далёкий, похожий на раскат грома где-то в глубине шахты. Потом громче, с металлическим отзвуком. Орки замерли, перестали чесать животы и толкать друг друга. Они уставились в сторону главного входа. Кто-то рявкнул команду, и через минуту раздался звук рога — низкий, тягучий, как вой больного зверя.

Из туннеля показались факелы. Много факелов. А за ними — фигуры в тёмных балахонах, с посохами. Впереди шёл человек в зелёном плаще с капюшоном, скрывавшим лицо. Рядом — дюжина воинов в чешуйчатых доспехах, с мечами и щитами. Орки расступились, загалдели, но не нападали. Наоборот — некоторые даже склонили головы.

— Друид, — прошептал один из стражников у клетки. — Опять за рабами.

Я прищурился. Друид — это же маг природы, лекарь и колдун. Что ему нужно в подземелье у орков?

Он остановился посреди деревни, скинул капюшон. Лицо

оказалось старым, морщинистым, но глаза горели молодо и цепко. Он обвёл взглядом клетки (их было несколько, с другими пленниками) и кивнул своему казначею. Тот вывалил из мешка на шкуру горсть алмазов — крупных, гранёных, они засверкали даже в тусклом свете факелов.

Орки зашумели, как стая голодных волков. Вождь — здоровенный зверь с бычьей шеей — подошёл, взял один алмаз, поднёс к глазам. Кивнул.

— Торг состоялся, — прорычал он.

Меня вытащили из клетки вместе с другими рабами. Их было пятеро: двое гномов, один человек с перебитым носом и парень, похожий на подмастерье кузнеца. Нас связали верёвками за запястья и поволокли в сторону шахты.

— Куда? — спросил я.

— Молчи, человек, — огрызнулся конвоир-орк. — Теперь ты собственность друида. Будешь работать, пока не сдохнешь.

Мы шли долго. Туннели сменялись пещерами, пещеры — новыми туннелями. Воздух становился суше и горячее. А потом я увидел её. Каменоломню.

Огромный котлован, вырубленный в скале. На дне копошились люди, гномы, даже несколько эльфов. Они долбили кайлами стены, таскали корзины с породой, подносили руду к тележкам. Надсмотрщики с бичами ходили по краям, покрикивали и не давали передышки. Обращение было жестоким — я заметил несколько тел, сваленных в кучу у дальней

стены.

Меня обыскали. Сняли пояс, вывернули карманы, нашли книгу. Хорошо, что латы, лук и стрелы я не взял с собой в шахту — они остались у Клеменса, в городе. Деньги тоже. Я никому не доверял в городе, кроме этого мага-чудака. А книгу забрали.

Потом один из охраны нащупал что-то у меня на шее. Амулет. Тот самый, что я стащил у должника вместе с кошельком. Я и забыл про него — маленькая круглая пластинка с руной, похожей на круг с точкой.

Охранник замер. Позвал другого. Они переглянулись, зашептались, а потом грубо выдернули меня из очереди рабов и поволокли к шатру на краю каменоломни.

— К главному, — бросил один.

Внутри шатра сидел друид. Он пил какой-то травяной настой и читал книгу (не мою, старую, в кожаном переплёте). Увидел меня, прищурился.

— Зачем привели?

— У него это, — охранник протянул амулет.

Друид взял его, покрутил, хмыкнул. Потом поднял глаза на меня.

— Откуда это у тебя?

Я решил не врать. Маги обычно чувят ложь.

— Украл. У должника в городе. У него был голем, каменный стражник. Я его одолел, а кошелёк и амулет забрал в счёт долга перед другой женщиной.

Друид засмеялся. Сухо, без веселья.

— Значит, украл. А знаешь, что это за амулет? Или ты совсем не разбираешься в магии?

Я промолчал.

— Это артефакт, с помощью которого я создавал големов. Каменных, железных — любых. Мой ученик-карманник стянул его у меня полгода назад и сбежал. Видимо, твой должник и есть тот самый проходимец. А ты, выходит, вернул мне пропажу. Забавно.

Он постучал пальцами по столу.

— Ладно. Ты не враг мне. Ты просто дурак, который сунулся не в своё дело. Но раз ты уже здесь, и я заплатил за тебя алмазы... Так просто не отпущу.

Сердце ухнуло вниз.

— Я дам тебе возможность отработать. Добудешь столько руды, сколько я за тебя отдал — будешь свободен. А если нет... — он махнул рукой в сторону каменоломни. — Сам видишь, что бывает с теми, кто не тянет норму.

Я сжал кулаки. В книге, которую у меня отобрали, не было подсказок, как выбираться из рабства. Она лежала в ящике вместе с моими вещами. Но я запомнил одно: слабости врага можно обратить в ловушку.

А друид, похоже, был не врагом. Но и не другом.

— Я согласен, — сказал я. — Покажи, где работать.

Он кивнул, и конвоиры вывели меня к котловану.

Глава седьмая. Железо, боль и тот, кто поделился хлебом

Каменоломня оказалась адом. Не огненным, нет — воющим, пыльным и холодным. Мы работали с рассвета до темноты, а темноты под землёй не бывает — только рыжий свет факелов, которые чадили и разъедали глаза. Моей киркой стал обломок кайла, ржавый и тяжёлый. Я колотил им по стене, выламывал куски руды, грузил в корзину и тащил к тележке. Шаг за шагом, удар за ударом.

Через три дня я хотел сдохнуть.

Спина горела, ладони превратились в кровавое месиво, плечи гудели так, что я перестал слышать собственные мысли. Соседние рабы не разговаривали. Они только кашляли, плевались кровью и смотрели в одну точку. Надсмотрщики — здоровенные орки с плётками — щёлкали ушами и смеялись, когда кто-то падал.

«Сдайся», — шептал внутренний голос. — «Ляг на камни, закрой глаза и не вставай. Всё равно никто не придёт. Жена и сын уже там. Зачем тебе это?»

Я почти послушался. Но в груди, где-то под рёбрами, тлел уголёк. Не жар, нет — скорее холодная злость. Каждый раз, когда я закрывал глаза, я видел лицо Холла. И руки Маргарет, тянущиеся к двери. И скелетов, которые выползали из

земли.

А ещё я вспоминал детство.

Отец хотел, чтобы я стал кузнецом. «Дело надёжное, — говорил он, — молотом и наковальней всегда прокормишь-ся». Он ставил меня к горну, когда мне было десять. Я раздувал мехи, подавал заготовки, учился различать железо и сталь по искрам. Я мог бы стать хорошим мастером. Но по ночам, когда деревня затихала, я залезал на чердак и читал старые свитки, которые мать приносила с рынка. «Баллады о рыцарях», «Песнь о Сигурде».

Я хотел быть героем. Не кузнецом, не землелепашцем, а тем, кто выходит навстречу тьме и говорит: «Ты не пройдёшь». Я представлял себя в латах, с мечом, верхом на коне. Я хотел, чтобы люди помнили моё имя. «Рейвен Гэст — тот, кто не боялся». Смешно, правда? Я боялся всегда. Но я делал.

Мать смеялась и гладила меня по голове. «Вырастешь — станешь рыцарем. Только не забывай, что и кузнецы нужны». Отец ворчал: «Рыцаридохнут молодыми. А кузнецы живут долго». Он был прав. Но я не хотел долго. Я хотел правильно.

Теперь, когда надсмотрщик огрел меня плетью по спине, я понял, что детство кончилось в ту ночь. А взрослая жизнь — вот она, в каменоломне. И я не имею права сдать-ся. Потому что если я сдохну здесь, то Кольтер Блэквуст продолжит считать себя богом. Он будет решать, кому жить, кому умирать, кого превращать в скелета, а кого оставить в покое. Ни один маг, ни один демон не имеет права быть судьёй. Ни-

кто не властен над жизнью и смертью, кроме самой жизни и смерти.

Я стиснул кайло и снова ударил по стене.

На пятый день нога дала сбой. Та самая, левая, которую вылечил Клеменс. Видимо, кость срослась, но мышцы не выдержали. Острая боль пронзила голень, я пошатнулся и упал лицом в щебень. Кайло отлетело в сторону. Я попытался встать — нога не слушалась.

— Слабак! — рявкнул надсмотрщик-орк. — Жить захочешь — встанешь!

Я встал. Сквозь боль, сквозь чёрные точки перед глазами. Но хромота была заметной. Орк хмыкнул, подошёл, задрал штанину, осмотрел ногу и сплюнул.

— Ничего, срастётся. А пока — урок. Ты будешь получать меньше хлеба. За ужином тебе — половина порции, чтоб аккуратней был. Шевелись!

Вечером, когда выдали похлёбку и горбушку чёрного хлеба, мне положили кусок в два раза меньше, чем остальным. Я сел в углу, привалился к стене и попытался жевать. Ком в горле не проглатывался. Голод уже не мучил — его сменило тупое безразличие.

— Эй, — раздался голос справа. — Возьми.

Я поднял голову. Рядом сидел человек. Лет тридцати, с обритой головой и глубокими морщинами на лбу. Глаза серые, усталые, но живые. Он протянул мне половину своей горбушки.

— Не надо, — сказал я. — У тебя самого мало.

— Я привык, — он пожал плечами. — А ты, видно, новенький. Нога болит, надсмотрщик тебя отметил. Если не поешь, не встанешь завтра. А здесь не встать — значит умереть.

— Как тебя зовут? — спросил я, принимая хлеб.

— Бран. Бран из Роторбурга. Был шорником, пока не задолжал не тому человеку. А ты?

— Рейвен. Рейвен Гэст. Из южной деревни.

— Далеко же тебя занесло, — Бран усмехнулся, но глаза остались серьёзными. — Рассказывай, если хочешь. Молчать всё равно не вмоготу.

И я рассказал. Не всё, конечно, но главное — про жену, про сына, про скелетов, про Кольтера. Бран слушал, не перебивая, только кивал. Когда я закончил, он тихо сказал:

— Значит, ты не просто так здесь. У тебя есть цель. Это хорошо. А у большинства из нас цели нет — только выжить. Держись за свою цель, Рейвен. Она крепче любой веревки.

С того вечера мы стали делиться хлебом. Я — своей историей, он — своей поддержкой. Бран знал каменоломню лучше меня: какие туннели ведут наверх, где надсмотрщики слабее, как утаить кусок руды для обмена. Он научил меня притворяться, когда проверяют нормы, и беречь силы для настоящей работы.

Я не знал, выберемся ли мы. Но с Браном даже ад стал чуть теплее.

Глава восьмая. Бегство и предательство

Мы с Браном стали почти братьями. Я делился с ним хлебом, он — знанием туннелей. Я рассказывал про Кольтера, про свою месть, про книгу. Он слушал и верил. И когда я понял, что скоро наберу нужную руду и меня отпустят, меня накрыла тоска. Не за себя — за него. Бран сгниёт здесь. Бран, который протянул мне горбушку в самую чёрную ночь. Бран, который не предал, не бросил, не усомнился.

Я огляделся вокруг. Другие рабы — истерзанные, с потухшими глазами. Должники. И те, кого подставили. И те, кто попал сюда случайно. Все они ждали смерти. А над ними — друид с вежливой улыбкой и орки с плётками.

«Надо организовать побег», — сказал я Брану однажды вечером, когда надсмотрщики отвернулись.

Он покачал головой:

— Невозможно. Выход один, и его охраняют. Попробуем — убьют.

— А если заваруха? Если их отвлечь? — я понизил голос.
— Друид ко мне лоялен. Я вернул ему амулет. Если я скажу, что выкупился, он меня отпустит. Но пока меня будут выводить, вы поднимете бунт. Конвой отвлечётся. Вы выбежите

через боковой туннель, который ты знаешь, освободите меня переоденетесь в охрану, и нам откроют ворота по приказу друида.

Бран долго молчал. Потом спросил:

— А если кто-то сдаст?

— Не сдаст, — сказал я. — Я верю.

На следующий день я позвал надсмотрщика.

— Я добыл достаточно руды, — сказал я громко. — Веди меня к друиду. Хватит здесь гнить.

Орк рассмеялся, глядя на мою хроющую ногу и грязные руки. Но я настоял, показал мешок с кусками железной руды — я спрятал его заранее. Надсмотрщик отлучился, переговорил с кем-то, вернулся, пожал плечами и повёл меня к шатру.

Друид сидел на том же месте,пил тот же настой. Он улыбнулся — вежливо, снисходительно. Меня это взбесило. Как можно быть таким добреньким, когда из-за тебя гниют десятки людей? Как можно улыбаться, зная, что завтра кто-то не встанет?

— Уговор есть уговор, — сказал он, выслушав надсмотрщика. — Ты вернул мне амулет, добыл руду. Свободен.

Он махнул рукой, и меня вывели. Конвой — трое людей в чешуйчатых доспехах — повели меня к выходу. Мы шли по освещённому туннелю, и я молился, чтобы план сработал.

И он сработал. Слишком хорошо.

Сзади раздался крик. Потом звон металла. Работники

подняли бунт — по моему сигналу, когда они увидели, что меня увели. Орки заорали, надсмотрщики бросились к котловану. Конвой замешкался.

Из бокового прохода выскочили Бран и трое его друзей — те, кому он доверял. Они накинулись на моих конвоиров, оглушили их кайлами, стащили доспехи. Мы быстро переоделись в темноте. И они повели меня к выходу. Ворота нам открыли — всё получилось!

Но когда мы только вышли за ворота, я заметил, что одного из друзей Брана нет. Того, с рыжей бородкой.

— А где...

— Он отлучился по нужде, — сказал Бран, но в голосе его была тревога.

Мы побежали. Сзади загрели шаги. И крик: «Они там! Бегут! Стреляй!»

Стрелы засвистели над головами. Я обернулся. Рыжая борода стоял у поворота, указывая на нас пальцем. Его лицо было испуганным и жадным одновременно. Он сдал нас за лишнюю пайку хлеба и уважение надсмотрщиков.

— Предатель! — заорал Бран, но бежать не остановился.

Одна стрела вонзилась в плечо моему соседу — парню, которого я не знал по имени. Он упал, закричал, его затоптали. Другая поразила в спину второго из отряда Брана. Он только охнул и рухнул ничком.

Мы с Браном бежали последними. Уже видели выход — туннель из которого мы сюда попали. Но Бран пошатнулся.

Стрела вошла ему в бок. Он упал на колено.

— Беги! — прохрипел он. — Оставь меня!

Я подхватил его под руку, потащил. Два шага, три. Он был тяжёлым, а нога моя снова заныла. Стрела торчала из его спины, и рубаха быстро темнела от крови.

— Не могу, — прошептал он. — Рейвен, не могу. Оставь. Спаси себя.

Я тащил его дальше. Выход был уже в пяти метрах. Но тут вторая стрела — на этот раз ему в ногу. Он закричал, вырвался и упал. Я хотел его поднять, но понял: он мёртв. Глаза остекленели, дыхание прекратилось.

Я не успел. Я не спас. Я обещал себе, что освобожу друзей, а они все погибли. По моей вине.

Орки завыли за спиной. Я рванул к выходу, перепрыгнул через камни и нырнул в узкий туннель, который вёл вниз. Сзади кто-то стрелял, но стрелы били в стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.